

Андрей Великанов. Фото автора и Елены Великановой

Австралийская «треска»

Когда меня представили известному австралийскому рыболову Алистару Макглэшану, скажу честно, несколько заробел. А как иначе можно себя ощущать, когда в половине пятого утра босоногий и здоровенный детина, наверное, чуть старше 30 лет, вместо парадного «здрассте» и «мерси» вдруг начинает придиричиво оглядывать твои бицепсы и икроножные мышцы, попутно интересуясь, как держишь океанскую качку, можешь ли затащить на Килиманджаро 30-килограммовый рюкзак и ходил ли в этом году на веслах по порогам пятой категории сложности!

И вся эта шекспировская драма стряслась лишь потому, что я по глупости нечаянно обронил несколько худых слов в сторону ловли рыбы на дорожку. Вот так и вышло, что тем ранним декабрьским утром отступить было уже почти некуда, и мы с Леной без пересудов тот же час подписались на сплав по притокам реки Кларенс

(длина – 394 км), вычурно петляющей почти по административной границе Квинсленда с Новым Южным Уэльсом и впадающей в самую северную часть Кораллового моря.

Находится эта река приблизительно в десяти часах езды на автомобиле по шоссе под номером «один» строго строго на север от самого известного австралийского города Сиднея. Дорога практически все время идет вдоль дивных и безлюдных песчаных пляжей Тасманова моря и лишь в городке Кофс-Харбор отклоняется несколько на запад, кружа среди невысоких зеленых холмов, обильно заросших банановыми деревьями. По какому-то странному стечению обстоятельств в этом городе значится самый большой в мире рыболовный магазин, и владельцы этого заведения обещают любому посетителю, который документально оспорит данный самоуверенный постулат, сразу же выплатить 20 тысяч долларов. Немалая сумма!

Ведь ныне один австралийский «тугрик» уже практически равен хилуму американскому однофамильцу.

Сушая ли это правда или же очередные маркетинговые фантазии, не проверял, но тот харборовский «удочно-крючковый» супермаркет действительно впечатляет и своими размерами, и ассортиментом колониальных товаров, где даже для инерционных катушек, о которых у нас в Омске или Томске ныне вспоминают с грустной улыбкой, здесь выделена целая шестиметровая секция, в которой насчитывается по меньшей мере 20 моделей этой старомодной продукции, но уже современного дизайна и исполнения.

После города Графтон (известного своими окрестными россыпями сапфиров, топазов, гранатов, бериллов, а также своим октябрьским цветочным фестивалем), где уже полтора века без забот живут потомки шотландцев и валлийцев, надо прокатиться еще ки-

лометров 60 по узкой шоссейке под номером «38» до пересечения с речкой Манн – 120-километровым правым притоком Кларенса. Часть этого чертового притока нам и предстояло преодолеть двумя канойными экипажами. Себе в напарники Ал взял дол-

за пресноводными хищниками Восточной Австралии. И если с местным бассом (*Macquaria novemaculeata*) все было более или менее понятно, то вот о пресноводной «треске», как упорно называл эту мистическую рыбку главный дирижер проекта, я прежде

кам типа этого Манна весьма сложно. Во-первых, погода может пять раз на дню поменять настроение, сменив проливной холодный дождь на сорокаградусный солнцепек, а во-вторых, на каждый километр реки предстояло пройти как минимум пять камени-

Знаменитая австралийская «треска»

Вкусная приманка раттлин

говязого Майка, еще одного крепкого австралийского фотожурналиста, который лежа на спине, мог, наверное даже натошак, раз десять выжать 150-килограммовую штангу.

На повестке дня у скороспелой интернациональной экспедиции стояла охота со спиннингами и нахлыстами

даже не слышал. Начну с того, что *Maccullochella peeli peeli* икеа является эндемиком – местным видом – бассейна реки Кларенс и, конечно же, по систематическим хитросплетениям относится отнюдь не к семейству тресковых рыб, а спокойно числится среди окуневых собратьев.

По заверениям местных рыболовных аксакалов, в солоноводных эстуариях Кларенса эта зубастая хищница может достигать веса и в 27 килограммов, причем назывались также совсем уж астрономические цифры, вплоть до зарегистрированного «тысячу лет назад» рекорда в 41 кг. Нагулять такие размеры в речных реалиях довольно проблематично, поэтому данная тресочка круглогодично хомячит все, что движется как в самой воде, так и на ее поверхности – не брезгует даже змеями!

Я всегда скептически относился к подобным байкам аборигенов, особенно когда после таких велеречивых заявлений «мудрые дяди» ставят легкие флуоракорбоновые или монофиламентные поводки никак не более 2 фунтов на разрыв.

Сплавливаясь диким образом по реч-

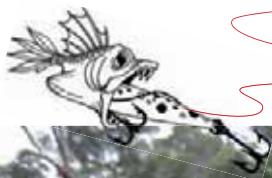
стых порогах, и все усугублялось еще тем злополучным обстоятельством, что русло постоянно распадается на многочисленные языки и протоки, поэтому, не зная «партитуры», можно запросто вбуриться или в достойный «сибирский» лесоповал, или же от всей души несколько сот метров поработать волжским бурлаком до ярко-красных пятков внутри самых скользких тапок для водного туризма от «Solomon».

На «десерт» нам и вовсе был приготовлен «элитный» километровый подъем по порогам, водопадам и завалам, да еще против течения, где приходилось то изо всех сил проталкивать каное среди хоровода сросшихся ветвей и каменистых кочек, то плыть рядом с судном – настолько круто мели чередовались с глубокими речными ловушками.

Если у нас в стране большинство разумного человечества, странствующего по подобным речкам, использует байдарки, то у «проклятых капиталистов» для этих целей существует каное с однолопастным веслом, доставшийся нам от индейцев. Впрочем, в США уже есть транцевые модели таких посудин, на которые можно без боязни прице-

В Австралии рыбалке обучают с пеленок

Местным селедкам понравились воблеры из России

Майк и его «тресочка». Вываживание крупной рыбы с каноэ требует сноровки.

пить современный подвесничок мощностью вплоть до 5 «лошадок». Да и байдарки (по западной терминологии – каяки) уже четко подразделяют на ряд отдельных направлений: складные и стоячие, туристские и рекреационные, где сидят на открытой палубе, экстрим-корпуса для преодоления водопадов и рыболовные с педалями и подруливающими устройствами или с разводными транцевыми баллонетами для устойчивости при забросах.

Каяки пришли в нашу жизнь также от северных народностей, и исторически их прототипами круглый год пользовались эскимосские охотники.

Не знаю, почему Алистар выбрал для нашего путешествия технически сложные в управлении каноэ, причем самые дешевые пятиметровые пластиковые корпуса под именем «Coleman», а не модные легкие и маневренные кевларовые изыски от «Clipper Canoe» или «Wenonah». Но, раз назвался груздем, значит, попадешь в солянку!

Говорят, что ни один уважающий себя австралийский рыбак не выйдет на воду без двух больших упаковок банок пива, вот наши гостеприимные хозяева именно так и поступили. Беда в том, что австралийцы настолько индивидуальны в своих жизненных устремлениях, что со вторым экипажем на реке мы виделись достаточно редко, и посему за все время сплава местного пива так и не попробовали.

В Австралии принято приходиться

в гости со своей бутылкой, то же, видимо, относится и к рыбацким водоемам: раз приехал за тридевять земель, то, наверное, знаешь, что и как забрасывать. Оно и к лучшему, ведь собственная трудовая рыба всегда милее того хвоста, что насадил с гидовской подсказки, не говоря уж о чужой удочке или приманке.

Конечно, мы с Леной не сразу поняли, что манновские хищники, почти как классические форели, прячутся в основном в глубоких омутах под порогами. Причем стоят не вдоль струи, а несколько в отдалении, практически у берега.

Вода в речке, несмотря на проливной дождь в первый день сплава, была по-прежнему очень чистой, хотя и с коричневатым оттенком. И если рыба гналась за блесной или мушкой невдалеке от лодки, то этот бросок можно было наблюдать. Этим-то щепетильным моментом, видимо, и объяснялась страсть хозяев к тонким поводкам из лески. В качестве приманки на австралийского басса или «треску» здесь обычно рекомендуют спиннербейты, джеркбейты или даже попперы. Классическое железо местные умы, по моим наблюдениям, ныне уже задвинули на последнюю полку в тещиной кладовке. Забросы делают в берег, где под бревнами или здоровенными каменюгами и прячутся хвостатые ребята. Проводка неспешная, с периодическими ступеньками и

легким твичингом на паузах. Причем у нас создалась иллюзия, что обитают басы и тресочки очень локально: иногда с полукилометрового манновского отрезка можно было снять и шесть-семь голов, а на последующих пяти километрах абсолютно без толку промахать спиннингами и веслами. Размеры трофеев были впечатляющими – басы попадались весом до 2 кг, тресочки – до 5, и эти пятнистые «торпеды» чувствовали себя в реке полными хозяевами, отпугивая более мелких конкурентов от приглянувшейся приманки.

Любой речной сплав, плотно со вмещенный с рыбалкой, всегда чреват потерями инвентаря и другого нужного имущества, ведь не каждый раз после остановки для спиннинговых забросов принайтовываешь к корпусу весь скарб, а пройдя десять порогов, уже всю чувствуешь себя опытным сплавным «волчарой», но вот на одиннадцатом перекате Пандора вдруг приоткроет ящик – враз разыграешь самого последнего неумеху и с отчаянным криком сотворишь первоклассный оверкиль.

Ладно, утопить всего одну коробку спиннингов и блесен (вкуче с дрючком Лумиса и безынерционкой), главное было не дать уплыть веслу, пусть и не новомодному «Mitchell Black Magic» за 500 американских рублей, ведь каноэ без весла, все одно, что скрипка без смычка. И выныривая из воды, ты

Тасмания – настоящий рай для форелиста

Правый приток реки Кларенс – Манн вскоре проявит свой непростой характер

первым делом орешь что есть мочи: «Весло-о-о-о!».

Австралия не переполнена людьми, вот и на этом сплаве мы не встретили ни одного аборигена, зато наблюдали за грациозными собаками Динго, здоровенными ящерицами и наглыми попугаями самых невероятных окрасов. По вечерам вокруг стоянок что есть мочи орал цикады, но с прочей колюще-кусачей живностью в нашей походной жизни все было нормально, досаждали разве что мухи, которые, как мы убедились, обитают в Австралии практически везде, даже внутри здания, принадлежащего министерству природных ресурсов.

Непосредственно вдоль реки никого из сумчатых, а их обитает в Австралии 159 видов, мы не заметили, но на боковых дорожках восточного побережья постоянно встречались кенгуру и вомбаты, а в эвкалиптовых рощах – вечно спящие «плюшевые» коалы. И если в местах их скопления вы вдруг услышите нечто среднее между храпом пьяницы, скрежетом ржавых дверных петель и ворчанием недовольной свиньи, то не стоит пугаться – это всего лишь похотливый крик взрослого коального самца.

Доисторический квинслендский коала весил аж половину тонны, ну а сегодня эти травоядные мишутки не вырастают более пуда. Питаются они только эвкалиптовыми листьями, и их метаболизм таков, что зверькам приходится спать по 20 часов в сутки.

Наши сиднейские напарники вполне могут быть участниками любой экстремальной экспедиции, поскольку эти так называемые крутые парни – tough guys – в отличие от нас, каждый вечер после ужина методично натягивающих палатку с антимоскитной сеткой, просто падали на пенополиуретановую «пенку» или вовсе на голую траву, натянув над головой кусок синего ПВХ, купленного за два доллара по дороге.

Моя детская страсть к колеблющимся блеснам не осталась незамеченной кларенсовскими тресочками, ведь самый крупный трофей экспедиции как раз польстился на оранжево-желтого 8-сантиметрового «крокодила» питерских кровей с тройниками Кулебякинского завода. Как я на ультралайт и пятисотую катушечку с поводочком 0.1 вывел этого почти пятикилограммового темно-пятнистого зверя, до сих пор неясно. Без подсачника втащить в каноэ такого неподатливого окуневого родственника было почище беляевской фантастики. В такие моменты еще раз убеждаешься, насколько важно иметь в арсенале ладную и хорошо проверенную снасть, где главными солистами выступают гибкий спиннинговый кончик и надежная леска. Во время 15-минутного поединка с так называемой «треской» тюльпан моего короткого спиннинга от Гарри Лумиса не один раз оказывался под канойным днищем, а хлыст удилища в те моменты был практически под катушкодержате-

лем, и до полных 360 градусов не хватало совсем чуть-чуть!

В конце концов, Лена подгрела нашего неповоротливого «тяни-толкая» к галечному берегу, и уже на мелководье «тресково-окуневый» монстр наконец сдался. Правда, только для фотографирования, поскольку отношение к природе у современных австралийцев наверное такое же, как у старых ленинцев к партбилету: «потерял – не восстановишь». Хотите – верьте, хотите – нет, но всех рыб, пойманных во время сплава, абсолютно всех, мы выпустили! Конечно, от голода никто – ни Алистар, ни Майк, ни мы – не страдал, а поскольку хозяева значились еще и в охотниках, нам довелось отведать не только барбекю из акулы мако, но и дикой австралийской козлятины, и даже почти свежей кабанятины.

После трудового дня под скрипичный концерт цикад душевный разговор у костра, все больше дополняемый жестами, как-то глубже ложится на сердце, и жизнь вдруг кажется по-детски прекрасной. И вот уже забыты потерянные блесны и спиннинг, не саднят натертые ступни и ладони, а над головой загадочно подмигивает перламутровыми огоньками Южный Крест. От догорающих головешек веет домашним уютом, и, нечаянно закрыв глаза, ты вдруг ощущаешь, что находишься в правильном месте. И где оно – уже не важно. Ну что еще надо взрослому человеку для счастья!